

М.Е. Салтыков-Щедрин

**Собрание сочинений. В
двадцати томах**

Том 7

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82
ББК 83
С16

С16 **Салтыков-Щедрин М.Е.**
Собрание сочинений. В двадцати томах: Том 7 / М.Е. Салтыков-Щедрин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 696 с.

ISBN 978-5-458-25022-1

Михаил Ефграфович Салтыков-Щедрин, гениальный художник и мыслитель, блестящий публицист и литературный критик, талантливый журналист, был одним из самых ярких деятелей русского освободительного движения. Том 7. Признаки времени. Письма о провинции. Для детей. Похвала легкомыслию. Итоги. 1863-1871.

ISBN 978-5-458-25022-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРИЗНАКИ ВРЕМЕНИ

ЗАВЕЩАНИЕ МОИМ ДЕТЯМ

Не вдруг.

Бабушка Татьяна Юрьевна недаром говаривала: «Друг ты мой сердешный, свет Николашенька (говорила покойница все слогом госпожи Кохановской, почему даже лейб-кампанцы и те ее как огня боялись), попомни ты, свет, речь мою великую, не молви ты слова, языка твоего наперед не прикусивши».

С этой поговоркой я весь век изжил и не только ни в чем не проштрафился, но даже пришел к уразумению многих других прекраснейших поговорок. Бывали случаи: смерть хочется нагрубить, так бы, кажется, и отрапортовал, да вспомнишь Татьяну Юрьевну, укусишь язык и смолчишь. Много-много, что заплачешь. Начальники знали это и всегда меня жалели. Нет, нет да что-нибудь и простят. В тридцатых годах строгий всем приказ был: картофель, вместо хлеба, на полях сеять — я не сеял, простили. В 1849 году велено было бочки с водой на домах держать — я не держал, простили. Сосед у меня был, капитан Пафнутьев, так тот, бывало, так и вскипит. Полезет это к самому начальству: «Мое ли, говорит, или ваше дело знать, какой хлеб мне на полях сеять?» А я, напротив того, приду, тихим манером доложу и, если начальство сердито — замолчу. Потом опять приду, опять тихим манером доложу и, ежели опять начальство сердито — заплачу. И что же вышло? Пафнутьев-капитан и картофель сеял, и бочку с водой на доме держал, а я сеял хлеб, заправский, государи мои, хлеб, а бочки с водой и в глаза не видал.

Слабому слов исправник у нас был. «Проси, говорит, у меня милости,— отца родного съем, а будешь, говорит, по закону требовать, а тем паче по естеству — шабаш. Потому, естество — оно глупо. По естеству тебе есть хочется, а в регламен-

тах того не написано,— ну и бунтовщик А ты проси милости,— и дастся»

Говорил я тоже, и не раз, этому капитану Пафнутьеву: «Пафнутый Пафнутьич! — говорю,— а вы бы простить попросили!» — так он даже зашипел на меня . за что же таких-то и любить?

Бабушка Татьяна Юрьевна так в этих случаях поступала. Придет, бывало, к ней мужик хлеба или лесу просить — она на него: «Да ты, свет, белены, никак, объелся, что меня, государыню, в боярском моем деле нудить изволишь?» И не только прогонит ни с чем, а временем даже высечь изволит. Напротив того, который мужик молчит — тому даст. И хлеба, и лошадь, и лесу на избу — всего, даже чего не нужно, и того даст. Почему? а потому, что боярское сердце ее этим веселится, а веселится оно, когда ей, государыне, самой того хочется!

И так она этой своей политикой всю вотчину устроила, что когда вступил в управление имением папенька Иван Матвеевич и, по обычаю, спросил мужичков, довольны ли они и не нужно ли чего, то они не отвечали, а только лапу сосали.

Я знаю, что нынешние капитаны Пафнутьевы (много их нынче развелось, да ведь и бабушка Татьяна Юрьевна не промах была, тоже немалое потомство после себя оставила) скажут: бабушка-то ваша, видно, набитая дура была, да и грозы над собой не видала, а потому по-дурьи над всем и чудила. Однако не будет ли, господа Пафнутьевы, такое суждение ваше слишком резко? Побеседуем, господа, побеседуем.

Начнем с того, что суждение это основано на каких-то якобы правах. Всякий человек, утверждают Пафнутьевы, имеет некоторые права, удовлетворение которых есть каждого священный долг и обязанность. На сем основании, продолжают они, будто бы так должно быть: ежели я чего хочу, то чрез минуту чтоб было исполнено, а ежели исполнения нет — сейчас бунт!!! И вот такой премудрый ихний кодекс называют они свободой.

Полно, так ли, господа Пафнутьевы, так ли?

Скажи мне, во-первых, высокоумный господин Пафнутьев, в каком ты виде от утробы матерней на свет произошел? — Ты произошел наг и беспомощен! Какие имел ты при этом права? — Никаких, кроме тех, чтобы заявлять слезами о твоей наготе и беспомощности! Согласись, что права не великие, но и сии кто тебе дал?

Их дала тебе почтеннейшая твоя родительница, которая, по доброте своего сердца, не всегда для умирения твоего к по-

мощи розги прибегала, но по временам простирала тебе и руку помощи.. тебе, нагому и беспомощному! Мог ли ты вынудить к тому твою родительницу? — Нет, не мог, ибо, как сказано выше, был наг и беспомощен. Вынудило же ее к тому собственное ее *материнское благоизволение!*

Итак, вот твои «якобы права» при рождении... поистине *якобы права!*

Пойдем далее. Ты взрос, Пафнутьев, достиг тех лет, когда подобных тебе отдадут в кадетские корпуса и гимназии. Спрашиваю я тебя: имел ли ты *право* требовать, чтобы тебя приняли в одно из сих заведений? — Нет, не имел, да и на ум бы тебе такое право никогда не вошло, ибо ты тем временем в бабки на улице с мальчишками играл, а не об образовании ума и сердца думал! Однако ты отдан был в заведение... почему? не по праву ли? — Нет, не по праву, а потому, что заведения те, по благоизволению начальства, в потребном количестве устроены, и по благоизволению же начальства Пафнутьевых принимать в них велено. Не будь сих заведений.. скажи, не остался ли бы ты свинопасом? И кичился ли бы ты *тогда сии завидным твоим правом?*

Итак, вот твои «якобы права» по воспитанию и образованию. Тверже ли они тех, которые якобы приобретены тобой при рождении?

Пойдем еще далее. Ты вышел из заведения и поступил на службу. Ты скажешь, что имел на то право, ибо получил при окончании наук чин? Но этот чин.. кто наградил им тебя? Настоятельно спрашиваю кто тебя наградил? — Не знаешь? — ну, так я тебе скажу: тебя наградило им начальство! Сам посуди: разве может существовать естественное отношение между твоим чином и науками? — Нет, не может! А так как тем не менее некоторое отношение (хотя и неестественное) тут существует, то спрашивается: кто, кроме начальства, установить его мог?

Итак, вот твои «якобы права» при вступлении на поприще государственной деятельности.. Тверже ли они тех, которые приведены в двух первых примерах?

Пойдем ли еще далее? Поведем ли беседу о твоих взрослых летах, о старости?.. О, Пафнутьев! проживи с мое и увидишь, что знаменитые твои права подлинно столь уже знамениты, что стоит человеку, даже не одаренному сверхъестественною физическою силою, ткнуть в них пальцем — и образует тут — не права, а простая дыра!

Знаю я: положение твое нелегкое. С одной стороны, смущаемый врагами внешними — другими подобными тебе Пафнутьевыми, с другой стороны, нося в самом себе врага

внутреннего = высокоумный твой разум, ты ежечасно волнуешься призраками, ежечасно мечтаешь: а что, ежели я попробую?

Не пробуй.

Пробы твои приведут лишь к тому, что прочие Пафнутьевы над тобою же насмеются, что они же, предварительно смутивши тебя, будут, при виде твоего поражения, восклицать: фигу съел! фигу съел! А высокоумный твой разум.. куда денется он тогда с своими мечтами? какие новые выдумки предложит к твоему утешению?

Но что же мне делать? спрашиваешь ты куда деваться от врагов и недругов? как устроить колеблющуюся судьбу свою? На это отвечаю тебе: умудрись.

Из предыдущего ты убедился, что прав никаких нет, а существуют лишь «якобы права» (вижу, что на устах твоих блуждает недоверчивая улыбка, но нимало не боюсь ее); это самое должно указать тебе путь.

Прав нет; тем не менее не могу отказать тебе в том, что в сердце твоём, по временам, совершаются некоторые движения, что движения сии заставляют тебя устремляться, простира́ть руки и т. д. Движения сии, друг мой, на языке психологов называются желаниями, или иначе: желания суть такие предъявления твоего естества, которые, образуя совокупность личных твоих вожеланий, при осуществлении их в натуре, необходимо должны быть приведены в надлежащее соответствие Или еще иначе: желания суть натуральные вожелания, представляемые на благоусмотрение. Посмотрим, Пафнутьев, каковы-то твой желания?

Если бы ты, например, пожелал слона проглотить, то, как думаешь, могло ли бы такое твоё желание быть приведено в соответствие? или если бы ты, будучи младенцем, пожелал натянуть на себя панталоны твоего родителя, то и этому твоему желанию, по-твоему, преград ставить не следует? или если б, будучи от рождения слабоумным, пожелал бы иметь рассуждение о предметах возвышенных... и тут, стало быть, остановить тебя нельзя?

Но нет, ты не настолько неразумен, чтоб утверждать что-нибудь подобное. Ты соглашаешься со мной, что ни слона проглотить, ни малолетнему сыну в родительские панталоны облекаться, ни слабоумному о возвышенных предметах рассуждать — невозможно. Дитя прикасается ручкой к раскаленному металлу и обжигается — что было бы, если б над ним не бодрствовала тайно другая рука, которая от обжиганий его оберегает и предохраняет? Была бы гибель. была бы смерть... ты это понимаешь.

Но ежели ты это понимаешь, то должен понимать и то, что желания у тебя могут быть всякие: такие, которые приносят честь твоему уму и сердцу, и такие, которые не только чести тебе не приносят, но которых исполнение может быть сопряжено для тебя даже с опасностью жизни; такие, конх осуществление благовременно, и такие, которые могут быть удовлетворены лишь завтра, или через месяц, или через год, или даже чрез сто и тысячу лет. Кто судья в этом деле? Кто может разделить твои желания на категории, а сии последние на роды и виды? Не ты ли? Но ведь ты только можешь желать, а не анализировать.. Кто же? Ответ на этот вопрос заключается в том определении, которое дано мною желаниям вообще. *Желания*, сказал я выше, *суть натуральные вожеления, представляемые на благоусмотрение...* ужели этого недостаточно, чтоб вразумить тебя?

Не думай, однако же, чтобы я предлагал устройство особенной какой-либо канцелярии для разбора твоих желаний — нет, я далек от такой мысли, хотя, сама по себе взятая, она весьма почтенна. Я далек от этой мысли лишь потому, что канцелярия в сем разе наверное превратится в целое министерство, министерство же образует из себя пять отдельных главноуправлений, что, по нынешнему состоянию финансов, едва ли не будет для государства отяготительно. Итак, пускай канцелярия на этот случай заменится одним общим представлением о начальстве.

Ежели нет у тебя прав, а есть одни желания, ежели сии последние разнообразны и ежели, притом, канцелярии учредить невозможно, то ясно, что разбор твоих вожелений может принадлежать лишь начальству. Во-первых, оно стоит на высоте, во-вторых, одарено мудростию; в-третьих, наконец, может дать и не дать. Скажи, обладаешь ли ты хотя одним из сих качеств?

Таким образом, в конце концов пред умственным нашим оком образуются два предмета: с одной стороны — ты, Пафнутьев, предъявляющий желание, с другой стороны — начальство, могущее дать или не дать. В сих тесных обстоятельствах как должен ты поступить?

Должен ли ты последовать примеру столько раз упомянутого мною капитана Пафнутьева, который, бывало, как довернется до начальства, так сейчас. фф... жж... зз...? или же обязываешься докладывать начальству тихо и просить себе милости?

Предлагаю тебе эти вопросы и внутренно самому себе удивляюсь. Ужели, говорю я себе, может найтись в мире человек, который бы давно сих истин для себя не решил? Или тебя

в школах ничему не учили? или ты позабыл все выученное, и надо тебе оное повторить?.. Не долгие же плоды твоего учения!!

Займемся повторением.

Вначале земля наша была пуста — кто ее заселил? Звери свободно ходили из края в край — кто им надлежащие места определил? Приходили печенеги, приходили татары, мужей побивали, а жен уводили в плен — кто их победил? Фабрик и заводов не было — кто их основал? Просвещения не было — кто его учредил? Люди питались злаками, самые цари изволили лакомиться уткой с шафраном — кто надлежащие к питанию средства преподал и указал? Не было ни земских, ни уездных судов, а тем паче магистратов и ратуш — откуда восприяли они начало? Не было ни общественного здравия, ни общественного благоустройства, ни общественного спокойствия, не было ни мостовых, ни паспортов, ни такс на хлеб печеный и в муке, ни разделения говядины на сорта — откуда все это явилось?

Откуда? Кто?

Вот то-то, мой друг! Когда тебе рассуждать не следует — ты рассуждаешь; когда же, напротив того, остроте твоего ума ничто не мешает — ты оставляешь оную втуне! Не означает ли это, что ум твой развращен и пресыщен? что он, подобно желудку гастронома, требует не здоровой пищи, а пораженной тлением и разлагающеюся?

Мало тебе напоминаний древнеисторических — укажу нечто из недавней, хотя и минувшей, практической твоей жизни.

Когда служитель твой оказывал тебе неповиновение и грубость — не на съезжую ли ты его отсылал? Когда крестьянин твой не платил даней — с чьею помощью ты его к исполнению обязанностей обращал? Когда тебе нужно было что-либо утанть, кого-либо обидеть и притеснить — к кому ты прибегал?

«А кто тебе помог сплутовать, когда ты строил мост и написал деревья на сто тысяч, тогда как его и на сто рублей не было?» — спрашивал некто Сквозник-Дмухановский одного провинившегося купца и тут же совершенно резонно отвечал: «Я помог тебе, козлиная борода!»

Вот о чем всечасно надлежит тебе вспоминать, Пафнутьев! а не смущать себя указаниями, которые предлагает высокоумный твой разум! Подумай: ведь разум твой глуп, он рассуждает помимо практики, помимо истории, а куда же ты денешься с практикой? куда спрячешь историю?

Ты говоришь: сова усматривает лежащего в кустах зайца, мгновенно палтает и, впиваясь в него одной лапой, другую держит наотмашь. Она наперед знает, что испуганный заяц понесется с быстротой молнии, и рассчитывает, что не может остановить его неистовый скок иначе, как ухватившись простертой лапой за какой-либо встреченный предмет (для того-то она и простирает ее). Но увы! (это все ты говоришь) расчет ее не всегда верен. Случается часто, что, ухватившись за древесный сук, она не только не удерживает рассказавшегося зайца, но оставляет на суке свою лапу и впоследствии истекает кровью. Тем не менее (ты же продолжаешь), несмотря на подобные гибельные последствия и несомненные свидетельства о том истории, ни одна сова в мире до сих пор не останавливается подобными соображениями, но все они продолжают производить нападения на зайцев тем самым порядком, какой указывает инстинкт.

Другой пример: волк забирается ночью в овчарню. Производя это в ночное время и потаенным образом, он тем самым явно доказывает, что предвидит в будущем нечто не вполне для себя благоприятное. А предвидит он вот что: проснется овчар и не только помешает волку исполнить задуманное, но еще намнет бока, а быть может, лишит и жизни. Так оно и бывает. Тем не менее, говоришь ты, ни предвидение, ни даже уверенность не могут удержать волка в его стремлении; несмотря на очевидную опасность, он лезет в овчарню.. и погибает!

Подобно сему, продолжаешь ты, и я, Пафнутьев, не знаю, что ждет меня впереди, но прав своих отстаивать не могу...

Прекрасно.

Стало быть, ты волк? стало быть, ты хищная сова? Ты сам сознаешь, стало быть, что идешь в овчарню не открыто и при свете дня, но прокрадываешься ночью и потаенным манером? В таком случае, напрасно же оговариваешься неведением об ожидающей тебя участи: я могу предсказать ее тебе. Ты оставишь свою руку на том самом суке, который думаешь ухватить, и получишь казнь в той самой овчарне, в которой мечтаешь быть властелином!

Того ли ты хочешь?

Любя размышление, я иногда думаю: господи, что делается, что делается на белом свете! кто скажет наверное, с кем идти, куда стремиться, кого слушаться? Не слушаться — не могу (привык сызмалетства); но кого, господи! кого? Кто разбе-

рет, где похвальное, где непохвальное, что на пользу, что во вред, чему радоваться и чем печалиться? И должен сознаться, что результат моих размышлений таков ничего не понимаю

Оглядываясь кругом себя, что вижу? Статские и действительные статские советники громко проповедают, что все сие надо уничтожить и сдать в архив, а тайные советники, внимая им, улыбаются! Почтеннейшие генералы с ужасом восклицают: как мы могли жить! как мы не задохлись! И, сказавши это, начинают в смешном и невероятном виде представлять, какая маршировка была! Пафнутьев прямо говорит, что он не Пафнутьев (кто же ты? уж не потомок ли того поджарого француза, которого в 1812 году спас от голодной и холодной смерти почтеннейший твой родитель и который впоследствии столь постыдно отплатил ему за гостеприимство?) и что ему надобно с кем-то покумиться! В одном журнале некоторый птенец (сказывают, даже дворянский сын) печатно высказался никогда не прощу моей родительнице, ибо она уже тем меня унизила, что заставляла ребенком сосать грудь свою! На кого надеяться? В ком видеть оплот?

Заговорил ты, Пафнутьев, о правах — это так! Но подумал ли ты о том, какую матерью шевелишь? о том, например, что материя эта подобна навозной куче, которую чем более разрываешь, тем более от нее пахнет? Или ты мнишь найти в ней жемчужное зерно? Или ты обольщаешь себя мыслию: только бы мне свое получить, а насчет прочих поревную особо.. Легковерный!

Бабушка Татьяна Юрьевна так на этот счет выражалась: «Положи ты мне, свет Николашенька, только один пальчик в рот, а там уж я сама всю твою ручку скушаю!» Незабвенная бабушка! сколько раз на дню я тебя вспоминаю, глядя на нынешних Пафнутьевых! Несчастные, они полагают, что как они легко покумились, так же легко впоследствии и раскумились могут.. Какая самонадеянность!

И ведь если б доподлинно жить тебе худо было — ну, тогда с богом! груби! а то вспомни, как ты проводил время, какими пользовался приятностями? Встанешь ты утром — умываться тебе подает меньший брат твой! захотел чаю — чай подает меньший брат твой! пожелал кушать — завтрак, обед и ужин готовит меньший брат твой! пришло время спать — постелю стелет меньший брат твой! одевает и раздевает — все тот же меньший брат твой. Твоего собственного труда было только — есть, пить, спать да протягивать руки и ноги. Каких же еще тебе якобы прав нужно? или ты подлинно захотел тех, кото-